

От редакции:

Статья предлагает опыт инновационного социологического анализа данных, полученных методом биографического интервью. Основная задача – выявление дискурсивных практик повседневной интеракции на примере осмысления саморефлексии одного из политических акторов России.

Хакамада – опыт деконструкции политической биографии

***Рождественская Е.Ю.
к. филос. н.***

Язык вербует мир

Рорти

В основу этой статьи положено одно биографическое интервью, правда, наш респондент принадлежит к недавней селебритиз политической сцены – это Ирина Хакамада¹. Перед нашей

¹ Трижды избиралась в Государственную Думу Федерального Собрания РФ. Дважды – как независимый депутат по Орехово-Борисовскому округу г. Москвы. С 1994 г. член Комитета Государственной Думы по экономической политике. В 1994 г. была организатором депутатской группы «Либерально-демократический союз “2 декабря”». С 1996 г. член Комитета Государственной Думы по бюджету, налогам, банкам и финансам. В 1997 г. постановлением Правительства РФ назначена Председателем Госкомитета РФ по поддержке и развитию малого предпринимательства. В 1999 г. возглавила Институт развития предпринимательства. В декабре 1999 г., будучи лидером демократической партии «Союз Правых Сил», вновь избрана Депутатом Государственной Думы Федерального Собрания РФ созыва 1999–2003 гг. по Восточному избирательному округу г. Санкт-Петербурга. С января по июнь 2000 г. являлась членом Комитета Государственной Думы по бюджету и налогам и Председателем Комиссии по защите прав инвесторов. В июне 2000 г. была избрана Заместителем Председателя Государственной Думы Федерального Собрания РФ.

С 1995 по 2000 г. председатель Центрального Совета созданной ею Всероссийской политической общественной организации «Общее дело». С 2000 по 2003 г. сопредседатель политической партии «Союз Правых Сил». В 2004 г. вышла из этой партии. В 2004 г. выдвинула свою кандидатуру на выборах

рассказчицей стоял классический вопрос: Кто я? Как сложилась моя биография? Провоцируя к саморефлексии, разделению себя одновременно на субъекта и объекта и занятию позиции, отношению к самой себе, мы вправе ожидать нарративного изложения биографического пути. Поэтому развитие этой темы представлялось, как минимум, в двух направлениях:

- как вопрос о качественной идентичности – о приписываниях и предикатах, которыми индивид себя определяет, его/ её характеристики, диспозиции, групповые принадлежности, роли и оценки;

- в отношении структурных аспектов вопрос об идентичности – это вопрос о единстве личности в смысле непрерывности и когеренции/ связности (внутренней согласованности). В этом смысле нам близка трактовка Ю. Хабермаса, который выделяет личностную и социальную идентичности, между ними, как двумя измерениями, балансирует Я-идентичность. Если личностная идентичность в качестве вертикального измерения обеспечивает связность истории жизни человека, то социальная идентичность по горизонтали интегрирует различные требования ролевых систем, которым подлежит человек. «Установление и поддержание этого баланса происходит с помощью техник взаимодействия, среди которых исключительное значение отводится языку. Во взаимодействии человек проясняет свою идентичность, стремясь соответствовать нормативным ожиданиям партнёра. В то же время человек стремится к выражению своей неповторимости» [2, с. 7].

Производство идентичности в развитие этой традиции происходит в дискурсивных практиках повседневной интеракции,

Президента РФ и получила около 4 млн. голосов избирателей. В 2004–2005 гг. председатель Российской демократической партии «Наш выбор», впоследствии вошедшей в общественное движение «Российский Народно-Демократический Союз». В марте 2008 г. объявила о прекращении политической деятельности [см.: 1].

под которыми понимаются формы речевого поведения. Дискурсивные практики в обществе – распространённые, часто рутинизированные решения для повторяющихся коммуникативных задач и проблем. Они имеют центральное значение, позволяя ответить на вопрос, как идентичность воспроизводится в языке и как осуществляется самоутверждение в повседневности. Тем самым рассказывание может быть рассмотрено как специфическая форма дискурсивной практики, которая через вербальное отображение опыта времени, композиционных усилий и потенциала реинсценирования открывает особые возможности дискурсивного производства и управления идентичностью. Итак, в рамках социолингвистического и дискурсивно-психологического подхода нарративная идентичность понимается нами как возникающая непосредственно в речевых практиках повседневных рассказов. В этом смысле нарративная идентичность есть способ, каким человек в конкретных интеракциях осуществляет идентификационную работу как нарративное отображение и производство ситуативно релевантных аспектов своей идентичности [см.: 3, с. 20]. Это локальная и прагматически размещаемая идентичность, которая производится и изображается посредством автобиографического рассказа и вследствие этого является лишь частичной идентичностью, не реализующей самости личности и не обладающей онтологическим статусом.

Но... Наш респондент², включившись в задачу, опрокинула все ожидания, значимо пренебрегая нарративной формой рассказывания и селективно отбирая те события и интерпретации своей жизни, которые могут быть отнесены к особой форме

² Интервью было осуществлено в рамках проекта «Устная женская история: Россия переходного периода» (грант 1XP208 Института «Открытое Общество») под руководством автора статьи. Непосредственно интервью с И. Хакамадой провела Нина Кареева для подпроекта «История становления женского самосознания: ключевые фигуры движения за права женщин (политики, профсоюзные деятельницы, активистки неправительственных организаций, эксперты)». Результаты общего проекта представлены в публикации [см.:4]. Интерпретация интервью полностью лежит на научной совести автора настоящей статьи.

идентичности – политической. Очевидно, что последняя представляет собой измерение социальной идентичности, подразумевающее самоопределение в политических категориях в процессе соотнесения с некими политическими институтами, а также формы участия как в самом политическом процессе, так и во взаимодействии с другими участниками политической сцены. Не будет ново предположить, что это отчасти социально-конструируемый феномен. Перспективным для нашего анализа произведённого в результате интервью текста будет идентификационная триада М. Кастельса. Он выделяет три вида идентичностей, конструкты которых могут иметь политическое значение [см.: 5, с. 8]. Легитимирующие идентичности, производимые доминирующими институтами, способны сформировать гражданское общество как структурированное поле действий социальных акторов и институтов. Идентичности сопротивления, выстраиваемые ущемлёнными и/или стигматизированными акторами, могут образовывать локальные сообщества с высокой внутригрупповой солидарностью. Наконец, проектные идентичности позволяют (ре)конструировать уже существующие идентичности. Это различие эвристично для эмпирического анализа, поскольку помогает отследить процесс смены легитимирующих политических идентичностей проектными или протестными в ответ на политические и социальные изменения, равно как и закрепление новых легитимирующих идентичностей. Следуя метафоре В. Парето, на смену львам приходят лисы, которых когда-нибудь подавят львы. Таким образом, процесс политической идентификации непрерывен.

Но устроит ли нас подход к анализу меняющейся, развивающейся политической идентичности, который не проясняет вопрос гендера и других различий? Социальная и политическая идентичность формируются по отношению к серии социально осознаваемых различий. Если гендер, класс/ группа, этничность, возраст, поколение не сосуществуют как различия, «проваливаясь» в

дискурсивную пустоту, идентичность теряет в своей отличительности и устойчивости. Необходимость нормативно регулировать неполные идентичности открывает лицо власти, политики нормирования, дисциплинирования, предписания. По мнению Дж. Батлер, «гендерные онтологии всегда функционируют внутри заданных политических контекстов в качестве нормативных предписаний», определяющих, посредством чего представлены гендеризированные тела [6, с. 172]. И мы далеки от взгляда на политическую идентичность нашей героини как внегендерную только потому, что она не продвигает гендерную повестку. Но и вменять ей заранее позицию политически мобилизованной женщины мы также не готовы, так как этот взгляд натурализует женщин, предполагая их интерес как существовавший до и вне политического контекста.

В таком случае, как возможно концептуализировать политическую идентичность женщины-политика, политикессы, гендерная, этническая идентичность которой вступает в игру в условиях маскулинизированной сцены российской политики, имеющей социалистический опыт девальвирования квотного участия женщин в политике?³ В своей работе «Психика власти: теории субъекции» Дж. Батлер теоретизирует сложный, амбивалентно протекающий процесс взаимоотношения субъекта и власти. С её точки зрения, субъект одновременно производится и субординируется [см.: 8, с. 20], что понятно в логике социализации в рамках социальных институтов. Парадокс заключается в том, что субъект, традиционно понимаемый как необходимая предпосылка свободы действия, одновременно интернализует эффект подчинения. «Двойственность субъекции приводит к возникновению замкнутого круга: свобода действия субъекта оказывается эффектом его субординации... значимая инверсия возникает, когда власть

³ Мы полагаем важным фоном для интерпретации нашего кейса практику квотирования, поскольку, как пришли к выводам вследствие межстранового сравнения М.Л. Крук, Дж. Ловендуски и Дж. Скуайрес, пренебрежение различием между репрезентацией идей и репрезентацией идентичностей порождает предположение о том, что увеличение избранных для политического участия женщин приведёт к росту внимания к женскому политическому вопросу [см.: 7, с. 803].

сдвигается от статуса условий свободы действий к собственной свободе действий субъекта. ...Фактически принимаемая власть может сразу удерживать субординацию и сопротивляться ей...» [8, с. 24]. Итогом этой амбивалентности, по мнению Дж. Батлер, может стать поддерживаемая субординация как продолжение прежнего проекта власти и, одновременно, сопротивление и противостояние [см.: 8, с. 25]. Принципиальная открытость, незавершённость идентичности как конструкта отражена и в позиции Шанталь Муфф, полагающей, что «социальный агент конституируется набором “субъективных позиций”, которые никогда не могут быть зафиксированы в закрытой системе различий. Он конструируется разнообразием дискурсов, в рамках которых имеют место не некие необходимые отношения, но постоянное движение переопределения и замещения» [9, с. 33]. Таким образом, если считать батлеровский концепт субъекции внутренним конструктом политической идентичности, то мы формируем рамку горизонта ожиданий к тексту интервью. Эта рамка содержит проблематику множественных в разном объёме предъявляемых идентичностей (пола, этничности, поколения, возраста, социальной группы) и диалога с репрезентантами власти – от сотрудничества до конфликта. Герменевтически мы исходим из презумпции относительно непротиворечивой и полной идентичности на уровне самой биографии и текста. Соответственно, в правила игры понимания входит обманутое ожидание, разрушение иллюзии по мере чтения, смысл которого – в проекции полагаемого смысла.

Но как транслирует эту проблематику множественных идентичностей политический актор, тем более, избегающий нарративных форм, приоткрывающих меру субъективного переживания и смыслопроизводства? Прежде чем искать ответ на этот вопрос, познакомимся с цитатой из автобиографии И. Хакамады, размещённой на её персональном сайте [см.: 1]. Выбор этой цитаты продиктован концептуальностью производимых ею метафор.

«И вдруг моя фамилия, о которой я и думать забыла, снова позвала меня к себе. Россия стала другой, стала другой моя жизнь, меня вынесло с проторенной колеи куда-то на целину, где не ступала нога советского человека. Я принимала решения – свои собственные, нетиповые. Я совершала ошибки – но на каждой тоже стоял мой “фирменный” знак.

Насколько в советские времена моя девичья фамилия мне мешала, настолько же теперь она стала работать на меня. Ведь это не просто какое-то диковинное сочетание звуков – это память рода, все мои корни, а потому и самый точный знак моей личности. Когда эта фамилия приклеилась ко мне окончательно, я начала заниматься политикой».

Мы можем квалифицировать предложенную текстуальность как метафорическую конструкцию аргументативного назначения. Парафразируя её, т.е., используя приём конденсирования смысла и элиминируя образность, возможно идентифицировать автора как пассионарию, действующую на границе социально освоенного и вследствие этого нормативно ослабленного. Более того, «пограничность как трансгрессивность» характеризует и формируемый конструкт этничности. Востребованность последнего в связи с занятием политикой может быть прочитана как присвоение этно-политического капитала образа отца, японца, коммуниста в изгнании. В гендерном плане мы можем увидеть условно культурную трансмиссию от отца к дочери, что, возможно, отразится на стиле политического действия. Трансгрессивно и третье измерение. Конструирование культурно «Иной», с условным этническим ресурсом (только фамилия), в столь дозированном объёме выглядит прагматично, как политтехнологичный шаг, своего рода картбланш на занятие политикой в глазах обывателей. Насколько ресурсна такая конструкция политической идентичности, будет ясно в процессе интервью. Пока лишь отметим, что помимо риторической функции

усиления воздействия, политическая метафора⁴, употреблённая здесь, становится когнитивным инструментом. Разумеется, для целей концептуализации и категоризации действительности, авторского рефрейминга той социально-политической реальности, которая проживаема и другими акторами, имеющими на неё свой взгляд.

Итак, переходя к анализу транскрипта интервью с И. Хакамадой, мы обнаруживаем, как уже упоминалось выше, отсутствие нарратива. Что в таком случае мы теряем в исследовательском плане? Согласно принципу нарративной идентичности, размещающей акторов внутри отношений и повествований, развивающихся во времени и в осваиваемых пространствах, мы получаем доступ к относительному и процессуальному характеру идентичности. Но мы находим в тексте присутствие других текстуальностей, в том числе сугубо дискурсивных, то есть претендующих на придание значения жизненному опыту с определённой позиции. Это обстоятельство послужило поводом обращения к концепции Нормана Фэркло [см.: 11], сфокусированной на соотношении социального института, в данном эмпирическом случае – политики, и собственно дискурса. Согласно Н. Фэркло, речевой кейс или дискурсивное событие состоит из трёх измерений – текста, дискурсивной практики, производящей и определяющей восприятие текстов, и социальной практики [см.: 12, с. 204]. Дискурсивная практика посредничает между текстами и социальной практикой, поддерживая социальные механизмы неравенства в распределении власти. Поэтому деконструкция этой дискурсивной практики – пример критического дискурс-анализа. Поскольку заявленная дискурсивность подхода предполагает, что основной фокус исследовательского интереса связан с тем, как

⁴ Под метафорой мы понимаем, вслед за Д. Лакоффом, прежде всего понятийную конструкцию, не только языковую (речевой троп); согласно его теории концептуальной метафоры, здесь имеет место проекция сферы-источника на сферу-мишень/объект [см.: 10]. В политическом дискурсе метафорика используется для переконцептуализации картины мира адресата.

производятся значения в дискурсивных текстуальностях или репертуарах, которые использованы для тематизации политики и социальных действий, опишем и проведём квалификацию этих текстуальностей.

Текст Хакамады содержит несколько уровней контролируемого рассказчицей потока жизненной истории, сфокусированной на политическом становлении. Эта тема ведущая, несмотря на наличие вставок – промежуточных когнитивных фигур – о старте политической карьеры, последнем романе, переросшем в брак, или переживания по поводу преследований в частной жизни, по политико-конкурентным мотивам. Важно с самого начала перечислить, обозначить и квалифицировать не просто редкие частные моменты, вошедшие в рассказ. Для конструкта социально-политической идентичности И. Хакамады аналитически важна мера гендерной коннотации, допускаемой автором. Так, начало её политической карьеры в Партии Экономической Свободы представлено в модусе женской карьеры в политике: на вторых ролях, при исполнительских полномочиях, но надёжно, обеспечивая тылы фронтменам. Т.е., если в начале интервью мы встречаем выражения: «С Боровым получились взаимоотношения чисто женско-мужские, как бы, я была всё время тенью, всегда заметала и чистила все углы, закрывала все прорехи. То есть я была такой стенкой, на которую можно опереться, которая может сделать всю чёрную работу. И я готова была работать дальше, но не совпали идеи», то в конце интервью опять «выныривает» женщина-политик: «Я выполняю функцию политического брокера, потому что я женщина, потому что у меня нет таких амбиций, потому что я полуяпонка, потому что я Хакамада, нечего мечтать, я не смогу стать президентом и так далее. То есть мои интересы не конфликтуют с другими интересами. И

плюс, как женщина, я стремлюсь выстроить дом уютный и я понимаю, что в одиночку его не построишь, нужна команда»⁵.

Между этими моментами, за исключением прямых вопросов интервьюера, И. Хакамада рассказывает о своём пути в политике как о пути профессионала, лишённого гендерной идентичности. Т.е. гендерная тема фреймирует рассказ, напоминая о полнокровности облика женщины-политика и демонстрируя реализованную риторическую задачу. Но для интерпретации меры частного раскрытия здесь важны standpoints: событие рождения ребёнка тому подтверждение, оно описано как факт, который сбивает с ритма карьеру, и отношение к нему выражает не сама рассказчица, а значимые политики.

«Я почему-то считала, что в правительстве, наконец, можно будет дело сделать, и домечталась даже до того, что уже будучи беременной на восьмом месяце, это был последний брак, мне предложили работать в Правительстве, но потом испугались, что на таком месте нельзя, это уже не прилично. То есть сначала идея у Немцова была: “Тебе только добраться до Черномырдина. Сможешь дойти?” А у меня там восемь месяцев беременности, огромный живот. “А потом, – говорит, – ты родишь, и никто ничего не заметит”. А потом Черномырдин сказал: “Я за Хакамаду. Но ты пойми, нас всех убьют просто за то, что мы министром труда и социальной политики поставим беременную женщину, значит, мы не уважаем этот департамент”. И решили отложить».

Перспектива рождения ребёнка для рассказчицы не явилась поводом для репрезентации в рассказе материнской идентичности, эта тема оказалась подчинённой проекту профессионального становления, который забуксовал не по причине отказа из-за некомпетенции или нелояльности. Та же секвенция обнаруживает мужскую оптику, связывающую статусную позицию и беременность

⁵ Несколько забегая вперёд, отметим особенность здесь употребляемых метафор: они прошли своего рода «карьеру метафоры» [см.: 13, с. 216] от сравнения к категоризации (тень, стенка, брокер), отражая сложившуюся конвенциональность, опривыченность транслируемого сюжета.

через неуважение. Тем не менее, это обстоятельство не вызвало дискурсивно-текстуальной реакции И. Хакамады, которая предпочла описательность, освобождающую от оценок. Отсутствие реакции как согласие с ситуацией обнаруживает структуры грамматики «нормальности», участие в правилах игры сокрытия женского при условии карьерного продвижения. Нам кажется здесь возможным выдвижение гипотезы об инструментальном, прагматичном отношении к находящимся в распоряжении И. Хакамады ресурсам (как и этничности в семейном наследии). Только в начале пути она использует этот ресурс сознательно (готова была работать и дальше), а в актуальный момент интервьюирования она вынуждена сожалеть об этом (потому что я женщина... и нечего мечтать). Симметрично выглядит и суждение по поводу «полуяпонскости» в конце интервью, вспомним фрагмент автобиографии с её персонального сайта.

Вернёмся к ведущим текстуальностям. Уровни рассказа о политическом становлении, которые И. Хакамада удерживает под фреймом, разведены на:

- не-нарративный рассказ о стадиях карьерного продвижения, звучат имена и обстоятельства конкретных ситуаций, им соответствует особый глагольный ряд активного освоения политического пространства,
- объяснительно-оправдательные конструкции, которыми сопровождаются или перемежаются упоминания о конкретных ситуациях и именах.

Эти два манифестирующих уровня отмечены различной текстуальностью, порождённой различными задачами: достоверного и хронологического описания происходящего, а также оправдания и придания личностного смысла происходящему. Противоречие этих задач (описание и смысл) заставляет рассказчицу пользоваться различным словарём, который уводит её к различным же дискурсивным образованиям. В итоге мы получаем два конфликтующих образа: практикующего политика, причём женщину,

а также политика, конструирующего свой имидж в публичности и отсылающего к известным ценностям.

Что характеризует практикующего политика, предпринимающего определённые действия? Мы отфильтруем из текста не редактируемый глагольный ряд, сохраняющий секвенциальный порядок, для характеристики социального действия.

Кластер социального действия. Отталкиваясь от профессионального уровня и предела для заработка, Хакамада двигает идеи, решается на риск, делает чёрную работу, побеждает, делает карьеру, повышает своё качество как политик, идёт и берёт голоса, рождает ребёнка, бьётся год и её отправляют в отставку, была нарасхват, проводит жёсткую интригу, проводит торг требования участия в руководящих высших органах власти (это была гарантия третьего места, публичная позиция, один из лидеров, требование обеспечить поддержку по выборам в округе), вошла в команду, у команды есть партия, у партии есть ресурс. В 98-м понимает, что время одиночек закончилось, хочешь не хочешь, выбирай команду, отказывается от всех команд и ждёт, какое предложение будет лучшим по позиции и, второе, отвечает её ценностям.

Как выглядит её образ в текстуальной плоскости оправдания и смыслопроизводства?

Кластер смыслопроизводства. Её оправдательная политика самопрезентации постепенно приводит к контрасту с выше описанным модусом политической деятельности:

«Сложилось новое мышление свободного человека, когда он за всё отвечает и при этом ничем не ограничен, нужно эти идеи куда-то двигать, закон политика – нужно повышать качество, нельзя стоять на месте, поэтому следующий проект был идти не просто по округу, а идти со своим политическим движением, нужно работать фракционно, потому что иначе вы не можете повлиять на принятие решений. То есть я хочу, чтобы было своё хозяйство, маленькое, но

своё, где я хозяйка, где я лидер. Я поняла, что, выбирая между карьерой и свободой, я выбираю свободу. У меня главная цель была менять общество, а не делать личную карьеру. Моя функция – это креатив, это будоражить общество идеями, это выбрасывать и раздавать бесплатно проекты, чтобы ими пользовалось общество, но моя функция не делать карьеру. Моя судьба, моя карма, находиться над корпоративными интересами, для меня главный интерес – это страна, это Россия... мне надо становиться посредником между различными группами, для того чтобы положительную энергетику каждой группы сложить в единое целое. Поэтому я готова посредничать между СПС и “Яблоком”, потому что у меня нет там никаких сильных амбиций, готова уступать, мне приходится всё время уступать, лидерские позиции, посты, комитеты только для того, чтобы команда не развалилась».

Сравнивая два вышеописанных кластера, мы обнаруживаем резкое контрастирование, вплоть до противоречия. Так делать карьеру или не делать? Или как выбрать между карьерой и свободой? Или зачем делать карьеру, если всё равно сделать ничего нельзя? Или что важнее: своё хозяйство или функция посредника, вставшего над схваткой? Но вопрос противоречия из дихотомии превращается в сюжет самообоснования, если внести темпоральный аспект: она приходит, вынуждена приходиться к конструкту посредника как единственно оставшейся возможности политического участия. И тогда ценностное самоотрицание превращается в итог осмысления; невольно приходит на ум этноконструкт «сохранения лица».

Метафоры Хакамады. Третьим значимым элементом дискурсивной практики, представленной в транскрипте интервью с И. Хакамадой, являются метафоры, вменённые политической ситуации, политическим представлениям и возможным модусам политического действия. Собственно метафора – лингвистическое приглашение концептуализировать одни вещи в терминах других, «метафора – это коммуникативный стимул и ментальный ответ» [14,

с. 226]. Мы опираемся здесь на труды Майкла Осборна по архетипам политических метафор и уже упомянутую книгу Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живём». В целях убеждения и понимания, политики обращаются к метафорам смены природного цикла, тепла и холода, света и тьмы, здоровья и болезни, мореплавания и навигации. Эти образы коннотируют с универсальными архетипами, что позволило М. Осборну сформулировать 6 постулатов функционирования архетипичных метафор для политического дискурса:

1. архетипические метафоры преобладают в риторическом дискурсе,
2. их популярность остаётся неизменной, так что предпочитаемые паттерны передаются от поколения к поколению без видимых изменений,
3. имеют происхождение в общечеловеческом опыте, объекты, действия или условия которого неизменно важны для человеческого сознания,
4. обращение к архетипическим метафорам зависит от воплощения ими основных мотиваций человека,
5. вследствие определённой универсальности оказывают влияние на большую часть аудитории,
6. присутствуют в самых значимых политических обращениях в любом обществе [см.: 15, с. 81].

Как отмечают российские исследователи Э. Будаев и А. Чудинов, в современных исследованиях риторико-прагматического направления в изучении политической метафоры наметились две тенденции [см.: 16]. Одна из них базируется на идеях и терминах когнитивной лингвистики. И здесь продуктивными для нашего анализа будут тактики «риторического фрейминга» В. Бенуа и Б. Бэйтс, которые используют популярную в риторическом направлении методику анализа метафорических кластеров. Последние могут рассматриваться в качестве относительного аналога концептуальных

метафор, поскольку продвигают в описании системности политических метафор. Другая тенденция основывается на прагматических аспектах политической метафоры: так, Р.Д. Андерсон развивает дискурсивную теорию демократизации, увязывая демократическую модернизацию общества с дискурсивными инновациями (в системе соотнесений элиты и народа). Изменяя ориентационные метафоры, позиционирующие низшие классы ближе к политической элите, можно способствовать демократизации политического дискурса [см.: 16].

На этом фоне, безусловно, становится интересной задача обнаружения специфического культурного содержания, более того, возможность гендерного профиля политической метафоры у российского политика/ политикессы. Когнитивно-дискурсивный подход к их анализу нам видится в двойном фокусе – как самостоятельный феномен, имеющий свою нарративную логику и вероятно кластерный разброс, так и тематическую связь используемых метафор с иными возникшими текстуальностями (выше описанными кластерами модуса действующего политика и модуса смыслопорождения и самооправдания). Широкое и обильное обращение Хакамады к метафоризированию является не только особенностью её риторического интеллектуального стиля. Предположительно использование ею метафор играет роль «закрытия» нарратива, его элиминации, поскольку они содержат эвфемизацию подлежащих, но не реализованных через нарратив сюжетов. В отношении задействованных метафор нас будут интересовать структура представляемого образа и роль автора в нём.

Методически кластеризация политических метафор И. Хакамады была осуществлена следующим образом. Вначале были отфильтрованы все секвенционально высказанные и протранскрибированные метафоры. Затем осуществлялся процесс кодирования в логике подхода Глэзера и Страуса, известного как обоснованная теория [см.: 17]. Близкие метафоры наполняли общий

кластер. По мере выделения новых метафор, им присваивалось новое кодировочное название. В итоге сформировались, наполнились три значимых обширных кластера метафор и несколько сателлитных, не доминирующих в общем масштабе. Методически важно было сохранить в трёх основных кластерах секвенциональную логику их появления в речи, что придаёт им характер риторического фрейминга и/или имитирует нарратив, некую историю, имеющую начало и завершение.

Итак, первый кластер политической метафоры – физическая борьба, преодоление:

- сделать рывок в политике,
- я этот предел, значит, выжала до конца,
- я победила на другом message, я послала главный message, что воспитание детей – такая же работа,
- это был популистский лозунг, но он во всяком случае давал оплеуху всем,
- неплохой результат для женщины, которая впервые рванула вообще,
- и я взяла это, билась я там год,
- это такая иерархическая структура, где главное искусство – это проталкиваться локтями,
- одним из способов нас развалить было науськивание,
- поливал меня грязью в газетах,
- в таких условиях нужно просто стоять как камень,
- я билась-билась, а чего я добилась. То есть, потом я стала министром, но никаких перспектив,
- все ждут, со слюной во рту, когда мы, значит, пойдём друг на друга. Женщины же вцепляются просто клыками,
- возник барьер,
- эти идеи куда-то двигать,
- другие стороны сталкиваются в лоб.

Здесь явлен масштаб усилий, борьбы, иногда апеллируя к образам животного мира. Преодоление осуществлено вплоть до предела, освоенное пространство имеет осязаемые барьеры. Таким образом, достигнутая победа проблематизирована.

Второй кластер политической метафоры – вегетативный рост, изменение, подъём до высот, фонтанирование:

- дальше уже расти было некуда;
- когда ты поднимаешься на какой-то Олимп, то человеческого отношения со стороны мужчин уже не жди;
- я расцвела;
- но одиночество теперь не связано с тем, что вы не пользуетесь успехом, а, наоборот, одиночеством звезды. Звезда всегда одинока;
- я насмотрелась там такого и поняла, что моя функция – это креатив, это будоражить общество идеями, это выбрасывать и раздавать бесплатно проекты, чтобы ими пользовалось общество, но моя функция не делать карьеру, потому что я задохнусь и, самое главное, всё равно ничего изменить не смогу.

Здесь псевдо-нарративным итогом может быть обнаружение потолка возможностей и ухода в а-социальное пространство, что также роднит с вышестоящим кластером в смысле проблематизации победы. Перспектива выбрасывать и раздавать креатив имеет энтропийные коннотации, обесценивающие то, что подлежит выбрасыванию.

Третий кластер политической метафоры – дом, хозяйство, стены:

⁶ Отметим здесь пространственную конструкцию надмирности, некий воображаемый мир, как свидетельство культурного измерения политической идентичности. Придавая воображению статус социального факта и признака глобального порядка, Аппадурраи пишет, что «воображение становится полем социальных практик, формой работы (в смысле как труда, так и культурно организованных практик) и формой согласования между сторонами деятельности (индивидами) и глобально определёнными полями возможностей» [18, с. 31]. Исходя из этого воображаемого мира, теперь риторически будет конструироваться позиция к миру реальному.

- я была всё время тенью, всегда заметала и чистила все углы, закрывала все прорехи. То есть я была такой стенкой, на которую можно опереться, которая может сделать всю чёрную работу;
- женщины хотят выстроить дом, и для них совсем неважно publicity;
- за мной ничего не стояло;
- когда я пришла, для меня это были чужие стены;
- я хочу, чтобы было своё хозяйство, маленькое, но своё, где я хозяйка, где я лидер;
- и плюс, как женщина, я стремлюсь выстроить дом уютный, и я понимаю, что в одиночку его не построишь, нужна команда;
- и я оказалась на улице;
- я была чужая, как вошла, так меня и выкинули, мне не дали никакого места, мне не предложили работать где-то в структурах власти, в администрации президента, и я осталась на улице просто никому не нужная.

В этом кластере, на наш взгляд, осуществлена попытка гендерного фреймирования метафор, удавшаяся лишь отчасти. Начав с прописывания образа Золушки, автор вводит слова «стенка», «строить», «стены», смысл которых входит в противоречие с традиционным наполнением роли женщины в доме, ответственной за уют, детей и мужа. В итоге традиционный фрейм разрушается, обнажая идею изгнания из дома, звучит та же проблематизация победы. А заодно и скорее маскулинный стиль «строительницы», нежели попытку обоснования новой версии женщины в политике или андрогинности.

Наконец, имеют место ещё три единичные метафоры, которые в совокупности «работают» на идею вытеснения из активного

пространства политического действия, взаимоотношения в духе обмена и поединка.

Мост: То есть мы такой мостик, мы не будем у власти, моё поколение уже не будет, но мы проложим дорогу другим.

Обмен, плата: Если у вас есть ценности, если вы выбрали свою судьбу, если вы выбрали свою роль, вы за это платите.

Любовь: Меня прострелило. Сумасшедший роман.

Рассматривая основные группы приведённых метафор, обнаруживается лейтмотивная тематизация: проблематизация победы, «пиррова победа», если следовать метафоричности сюжета. Когнитивная конструкция основных метафор оказывается связанной с прагматическими неудачами: «предел выжат до конца», «никаких перспектив», «всё равно ничего изменить не могу», «оказалась на улице», «меня выкинули». Это именно те сюжеты, которые, будучи нарративно рассказаны, то есть, отвечая гомологии пережитого рассказанному [см.: 19], приближали бы нас к пониманию проработки опыта индивидом. Но их заменяют дискурсивные образования, опосредующие социальную практику и порождённый текст. И в этом смысле наша рассказчица выступает в качестве владельца и пользователя дискурсивно/ риторически опосредованной культуры, производящей опыты в предлагаемых формах, дискурсивных “ready-mades”. Выбор в пределах резервуара одобряемых и доступных риторических конструкций выражает тем самым её отношение к себе и вписывает её в условия социально-политической регуляции. По этой логике, её дискурсивная репрезентируемая идентичность возникает через усвоение/перенимание канонических риторических фигур, тех же метафор, соответствующих социальным группам, к которым индивид испытывает чувство принадлежности, или к которым он/она институционально приписан(а). Остаётся задаться вопросом о причине выбора именно этих метафор, внутренняя когнитивная конструкция которых привела к прагматичной неудаче, поскольку

выбраны не заведомо успешные метафоры («горнодобывающие», «водные» и прочие, по М. Осборну).

Выводы

Если попытаться совместить все слои социальных и дискурсивных практик, попавших в поле деконструкции текста, то мы можем сформулировать следующие, претендующие на обоснованность, гипотезы. В кейсе И. Хакамады проживаемая политическая реальность выглядит как жёсткая борьба за своё место на политической сцене, неуклонное карьерное продвижение наверх, перемежаемое опытами неудач, и, как итог, закрепление сегмента политического поля и обозначение видимого предела/барьера для дальнейшего продвижения. Но на уровне производства смысла и оправдания действия предлагается сознательно осуществляемый выбор в пользу «свободы», креатива, роли посредника между корпоративными интересами, над политическими партиями. Фактически отказ от карьеры происходит тогда, когда наметился её видимый предел. Темпоральное измерение смягчает это противоречие за счёт того, что дискурсивно в тексте не выстроено здание смыслопроизводства, обслуживающее процессуальность политического продвижения. Эта задача решается автором уже за пределами политического поля. Обратим внимание на ещё одну, но латентную конструкцию биографии, сюжет которой заметен в следующем признании И. Хакамады:

«И так получилось, что я везде не своя. Я не своя для Гайдара и Чубайса, я не своя для “Яблока”, я не своя для Путина, я не своя для Кремля, я не своя для ФСБ, я не своя для Сурковых и этих ребят и я не совсем своя в обществе, потому что я инородный политик. Но за все надо платить. Если у вас есть ценности, если вы выбрали свою судьбу, если вы выбрали свою роль, вы за это платите».

Итак, политическая карьера, которая начиналась с привлечением иноэтничного ресурса и позиционированием себя как культурно «Иной» (полуяпонка), помимо собственных, преследовала

цели оправдания «нетипичных шагов». По сравнению с собирательно Ивановой Хакамаде легче пройти барьер стереотипных ожиданий относительно карьерных устремлений в женской биографии. В этом смысле, возможно, стоит изменить акценты в её фразе: «Когда эта фамилия приклеилась ко мне окончательно, я начала заниматься политикой» на «Я начала заниматься политикой, когда эта фамилия приклеилась ко мне окончательно». Но если эта новая биографическая конструкция позволила ей в глазах окружающих претендовать как женщине на политическую карьеру, то она же (конструкция) и заблокировала впоследствии её продвижение. «Быть иной» трудно вписывается в командные рамки, партийную дисциплину. Собственно описываемые И. Хакамадой неудачи возможно и связаны с её стремлением выстроить/выгородить лидерство в структурах, которые построены по типу команд. Но инвестиции в брэнд «Хакамада» накапливались и стали давать отдачу (участие в президентских выборах). Баланс, который в итоге ею достигнут, основан на этой отдаче, но и на пределах конструкции – «я везде не своя, за это надо платить».

Таким образом, в рассказе И. Хакамады работает ещё одна, латентно присутствующая тема, но её роль по отношению к порядку упомянутых уровней – метаконструктивна. Она создаёт форму политической биографии, задаёт условия входа в политическую игру, но также определяет барьеры, ограничивая претензии на политическое пространство. Сам выбор этой конструкции Хакамадой говорит о дискурсивных идентификационных поисках (она не становится японкой в русской политике), скорее, речь о субъекции как дееспособности в ситуации несовпадения собственных принципов, ценностей, гендерных и этно-отличий и конкретного политического момента/ситуации. В духе концепции Дж. Батлер, с истоками у М. Фуко, политики, строящие, вынужденные строить свою политическую деятельность не на идентичности, а на субъекции, используют любой шаг, самую возможность продуктивного

использования существующей конфигурации власти [см.: 20]. И если маргинализация, т.е. вытеснение к краям политического поля, есть неременное условие сохранения господствующих групп, то и маргинальный статус может быть использован как способ сохранения позиции в пределах поля. Таким образом, способ приобретения субъектности, соответственно, маргинализация может выступать формой субъекции. Как нам кажется, в случае И. Хакамады мы наблюдаем сходный феномен маргинализации политикессы, «вставшей над схваткой», вытекающий из сконструированной политической биографии с инструментальным привлечением иноэтничного ресурса. На уровне оправдательной стратегии она выстраивает субъектность женщины-политика, выбравшей «ценности и судьбу» и вынужденной за это «расплачиваться», т.е. транслирует в итоге образ консервативного политика. А переход к консервативным ценностям может быть рассмотрен как достигнутое плато политической карьеры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Из политической автобиографии И.Хакамады// Ирина Хакамада. Официальный сервер. URL: <http://www.hakamada.ru/> (22.08.2012).
2. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность: Моск. лекции и интервью (Первые публикации в России). М.: КАМІ; ACADEMIA, 1995. – 245 с.
3. Рождественская Е.Ю. Нарративная идентичность в автобиографическом интервью// Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. № 30. С. 5–26.
4. Устная история, биография и женский взгляд/ Ред. и сост. Е.Ю. Мещеркина (Рождественская). М.: Невский простор, 2004. – 270 с.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.:

ГУ-ВШЭ, 2000. – 608 с. (Castells M. The Power of Identity, The Information Age: Economy, Society and Culture Vol. II. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1997).

6. Батлер Д. От пародии к политике// Введение в гендерные исследования. Харьков: ХЦГИ, СПб.: Алетейя, 2001. Т. 2. С. 164–173.

7. Krook. M.L.; Lovenduski. J.; Squires J. Gender Quotas and Models of Political Citizenship. Cambridge University Press, 2009. S. 39, 781–803.

8. Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции. Пер. с англ. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2002. – 158 с.

9. Mouffe C. Post Marxism: Democracy and Identity// Environment and Planning D: Society and Space, 1995. Vol. 13, pp. 259–265.

10. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. Пер. с англ./ Под. ред. А.Н. Баранова. М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 256 с.

11. Fairclough N. Discourse and Social Change. Cambridge: Polity Press, 1992.

12. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Ветер Е. Методы анализа текста и дискурса. Пер с англ. Х.: Гуманитарный центр, 2009. – 356 с.

13. Steen G. The Paradox of Metaphor: Why We Need a Three-Dimensional Model of Metaphor// Metaphor and Symbol, 2008. 23: 4, pp. 213–241.

14. Osborn M.M.; Ehninger D. The Metaphor in Public Address// Communication Monographs. 1962. 29: 3, pp. 223–234.

15. Osborn M. The Trajectory of My Work with Metaphor// Southern Communication Journal. 2009. 74: 1, pp. 79–87.

16. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Риторическое направление в исследовании политической метафоры// Respectus Philologicus. Вильнюс. 2006. № 9 (14).

17. Страус А., Корбин Дж. Основы качественного

исследования: обоснованная теория, процедуры и техники/ Пер. с англ. и послесловие Т.С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.

18. Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Modernity*. London and Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996.

19. Schuetze F. Kognitive Figuren des autobiographischen Stehgreiferzaehlens// Kohli M.; Robert G.(Hgs). *Biographie und soziale Wirklichkeit. Neue Beitrage und Forschungsperspektiven*. Stuttgart. 1984. S. 78–117.

20. Butler J. *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. London: Routledge, 1990.